

АНАЛИЗ СПОНТАННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ НА ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

КАТАЖИНА КОНЧЕВСКА

Институт польского языка Польской академии наук, Краков, Польша
katarzyna.konczevska@ijp.pan.pl

Предметом статьи является анализ спонтанной устной речи как способ исследования стратификационной вариативности языковых кодов в ареале со сложной социолингвистической ситуацией. Данные для исследования были собраны автором в ходе одиночных полевых экспедиций, проведенных в 2015–2021 годах в малонисследованном полиэтническом, поликультурном, полилингвальном микроареале по обеим сторонам польско-белорусской границы. Его особенностью является сохранившееся до наших дней деление на шляхетские (мелкодворянские) околицы и крестьянские деревни, возникшее в XVI в. Результаты исследования отмечают выраженную корреляцию между современной социолингвистической ситуацией и историческими процессами освоения данного микроареала, а также особенностями ее сословной составляющей. На основании анализа собранного в ходе полевых экспедиций корпуса устной речи обращено внимание на локальность как фактор социально-когнитивной значимости, выделены выступающие в исследуемом микроареале языковые коды, сосредоточено внимание на языковых проявлениях социальной стратификации и перцептивных особенностях восприятия своего языка носителями отдельных кодов. Предлагаемый подход является продуктивным методом изучения языковых контактов в пограничных ареалах со сложной исторической и современной социолингвистической ситуацией.

DOI
[https://doi.org/
10.18690/um.ff.4.2024.17](https://doi.org/10.18690/um.ff.4.2024.17)

ISBN
978-961-286-882-6

Ключевые слова:
спонтанная речь,
устная речь,
языковые контакты,
стратификационная
вариативность,
пограничье

Univerzitetna založba
Univerze v Mariboru

DOI
[https://doi.org/
10.18690/um.ff.4.2024.17](https://doi.org/10.18690/um.ff.4.2024.17)

ISBN
978-961-286-882-6

Keywords:
spontaneous speech,
spoken language,
language contacts,
stratification variability,
borderland

ANALYSIS OF SPONTANEOUS SPOKEN LANGUAGE AS A METHOD FOR INVESTIGATING THE STRATIFICATION VARIABILITY OF LANGUAGE CODES IN THE POLISH-BELARUSIAN BORDERLAND

KATARZYNA KONCZEWSKA

Institute of Polish Language Polish Academy of Sciences, Krakow, Poland,
katarzyna.konczevska@ijp.pan.pl

The paper focuses on analysing spontaneous speech as a method for investigating the stratification variability of language codes in an area with a complex sociolinguistic situation. The data for the study were collected by the author during field expeditions carried in the years 2015–2021 in a little-studied multi-ethnic, multicultural, and polylingual micro-region on both sides of the Polish-Belarusian border. Its peculiarity is the division between gentry (petty nobility) settlements and peasant villages, which has been preserved to this day and was established in the 16th century. The research results point to a pronounced correlation between the current sociolinguistic situation and the historical processes of land settlement in the micro-region in question, as well as the peculiarities of its class structure. Based on the corpus of spoken speech collected during field research, this paper addresses locality as a factor of social and cognitive significance, highlighting the language codes prevalent in this micro-region, and focusing on language manifestations of social stratification, and native speakers' perceptions of their language of individual codes. The approach I propose is a productive method for investigating linguistic contacts in border areas characterised by a complex historical and contemporary sociolinguistic situation.

ANALIZA SPONTANEGA GOVORA KOT METODE RAZISKOVANJA STRATIFIKACIJSKE VARIABILNOSTI MED JEZIKOVNIMI KODI NA POLJSKO-BELORUSKEM OBMEJNEM OBMOČJU

KATARZYNA KONCZEWSKA

Inštitut za poljski jezik, Poljska akademija znanosti, Krakov, Poljska
katarzyna.konczevska@iip.pan.pl

Članek se osredotoča na analizo spontanega govora kot metode za raziskovanje stratifikacijske variabilnosti med jezikovnimi kodi na območju z zapletenim sociolingvističnim ozadjem. Podatke za raziskavo je avtorica zbrala med enournimi terenskimi raziskovalnimi odpravami med 2015 in 2021 na malo raziskanem večetničnem, večkulturnem in večjezičnem območju na obeh straneh poljsko-beloruske meje. Posebnost tega območja je do danes ohranjena delitev na plemiška (malomeščanska) naselja in kmečke vasi, ki je bila vzpostavljena v 16. stoletju. Rezultati raziskave kažejo na izrazito povezanost med sedanjim sociolingvističnim položajem in zgodovinskimi procesi poselitve obravnavanega območja ter posebnostmi njegove razredne strukture. Na podlagi analize korpusa, zbranega med terenskimi raziskovalnimi odpravami, članek obravnava lokalnost kot dejavnik družbenega in kognitivnega pomena, izpostavlja jezikovne kode, ki prevladujejo na tem območju, in se osredotoča na jezikovne manifestacije družbene slojevitosti ter značilnosti dojemanja svojega jezika s strani govorcev posameznih kodov. Predlagani pristop je produktivna metoda raziskovanja jezikovnih stikov na obmejnih območjih s kompleksnim zgodovinskim in sodobnim sociolingvističnim položajem.

DOI
[https://doi.org/
10.18690/um.ff.4.2024.17](https://doi.org/10.18690/um.ff.4.2024.17)

ISBN
978-961-286-882-6

Ključne besede:
spontani govor,
govorjeni jezik,
jezikovni stiki,
stratifikacijska variabilnost,
obmejna območja

Univerzitetna založba
Univerze v Mariboru

1 Введение

Спонтанная речь является реальным показателем уровня языковой компетенции говорящего, поскольку реализуется в переменных коммуникативных условиях. Как преобладающая в реальной речи, она является своеобразным лингвистическим феноменом и уникальным исследовательским материалом. Спонтанную речевую деятельность можно понимать как разновидность неподготовленной устной речи, которая отличается «высоким уровнем идиоматичности, семантическим синкретизмом, синтаксической эллиптичностью, предикативностью, широким использованием готовых клишированных речевых форм в системе специфических моделей интегрирования и просодического оформления смысловых единиц в единое речевое целое» (Яковлева 2016: 4). Именно поэтому анализ спонтанной речи является, на наш взгляд, наиболее продуктивным инструментом исследования стратификационной вариативности языковых кодов, выступающих в периферийных контактных ареалах, характеризующихся сложной социолингвистической ситуацией. В свою очередь, с речевой осведомленностью говорящего коррелируют лингвистические переменные (Labov 1966: 4–22), являющиеся ключевой концепцией в социолингвистических исследованиях (Labov 1972).

Изучаемый нами микроареал польско-белорусского пограничья представляет собой зону не только периферийных балтийско-славянских контактов, но и активных языковых инфильтрационных процессов внутри различных славянских языковых подгрупп (польский, белорусский, русский). Процесс субстратного заимствования нередко проходил здесь в условиях дву-, а иногда и трехязычия, поэтому субстратно-адстратные отношения требуют чрезвычайно осторожного подхода (Rembiszewska, Siatkowski 2018). При изучении диалектологического ландшафта ареала с так сложной ситуацией мы предлагаем учитывать, прежде всего, социолингвистические переменные, особенно стратификационную вариативность, поскольку она является одним из универсальных свойств языка, особенно ярко проявляющихся в процессе его функционирования, рассматривается как один из факторов развития языка и проявляется на всех его уровнях.

В процессе проведения исследований было обращено внимание на локальность как фактор социально-когнитивной значимости (Jensen 2016), определены выступающие в исследуемом микроареале языковые коды, выделены основные индикаторы и маркеры вариативности, сосредоточено внимание на языковых проявлениях социальной стратификации и перцептивных особенностях (Preston 1989) восприятия своего языка носителями отдельных кодов.

2 Методология и состояние исследований

Выбор темы исследования был мотивирован недостаточной изученностью данного участка белорусско-польской границы (Konczewska 2021a). Проблематика влияния границ на процессы языковой конвергенции и дивергенции является весьма актуальной (Dialect change 2005, On the Border of Language and Dialect 2018). Граница ингибирует в социальные контакты и, следовательно, в развитие языка по обеим ее сторонам: внутренние устные разновидности подвергаются взаимным влияниям и развиваются в сторону конвергенции, а устные разновидности, оставшиеся по другой стороне, отдаляются и значительно видоизменяются. Предметом наших исследований являются языковые контакты в микроареале по обеим сторонам белорусско-польской границы, установленной в 1948 г. в результате ятинских договоренностей и разделившей регион, становящийся единое целое в течение более 500 лет. Исследования микроареалов видятся нам очень важными в изучении языковых контактов на пограничье и социолингвистической ситуации в целом, поскольку позволяют выделить локальные особенности и определить ареал языковых явлений, а также обратить внимание на пограничный регион как историческую единицу, подчеркнуть важность видения истории с точки зрения периферии, а не, как обычно, центра. Более того, материалы полевых интервью являются важным источником истории повседневности *Alltagsgeschichte* / *History of Everyday Life* (Lütke 1995: 3–40) и языковой исторической памяти (Chlebda 2011: 83–98, 2019: 147–164). Войцех Хлебда верно заметил, что «пограничье, определенное государственной границей, не было единственным, которое формировало ментальность и духовность» (Chlebda 2015: 43). Осознание важности поиска этих внутренних «границ пограничья» повлияло на то, что, поставив цель изучения в полном

объеме говором в исследуемом микроареале и определения его диалектного ландшафта, мы не могли проигнорировать следующих важных моментов:

Каким образом установление границы повлияло на процессы интеграции и интерференции местных говором, их оценку носителями языка и уровень языкового сознания носителей?

Какое влияние на язык местных жителей имели общественные и цивилизационные перемены?

Какие корреляции имеют место между двумя частями единого ранее региона?

Для реализации поставленных целей нами были исследованы все населенные пункты по обеим сторонам белорусско-польской границы, входящие в состав бывшего исторического Уснарского католического и православного приходов: белорусско- и польскоязычные православные и католические деревни, а также польскоязычные шляхетские околицы. В ходе исследования были проведены интервью в 26 населенных пунктах, с автохтонами-представителями различных вероисповеданий и социальных групп, в количестве 51 человек: 30 по польской стороне, 21 по белорусской стороне; 30 женщин, 21 мужчина; 27 жителей шляхетских околиц, 24 жителей деревень (12 из католических, 12 из православных); возраст интервьюируемых от 38 до 99 лет, возрастные информаторы имели очень хорошую память. Исследование проводилось в рамках единоличного авторского проекта, в период с 2017 по 2019 г. – в сотрудничестве с Этнографическим музеем имени Северина Удели в Кракове. Полевые экспедиции были прерваны в 2020 г. в связи с политическим кризисом в Беларуси и ограничениями, введенными во время пандемии COVID-19, а также в связи с последующим эмигрантским кризисом на польско-белорусской границе в 2021 г., в результате которого польское правительство ввело чрезвычайное положение в пограничной зоне и запрет на пребывание в ней.

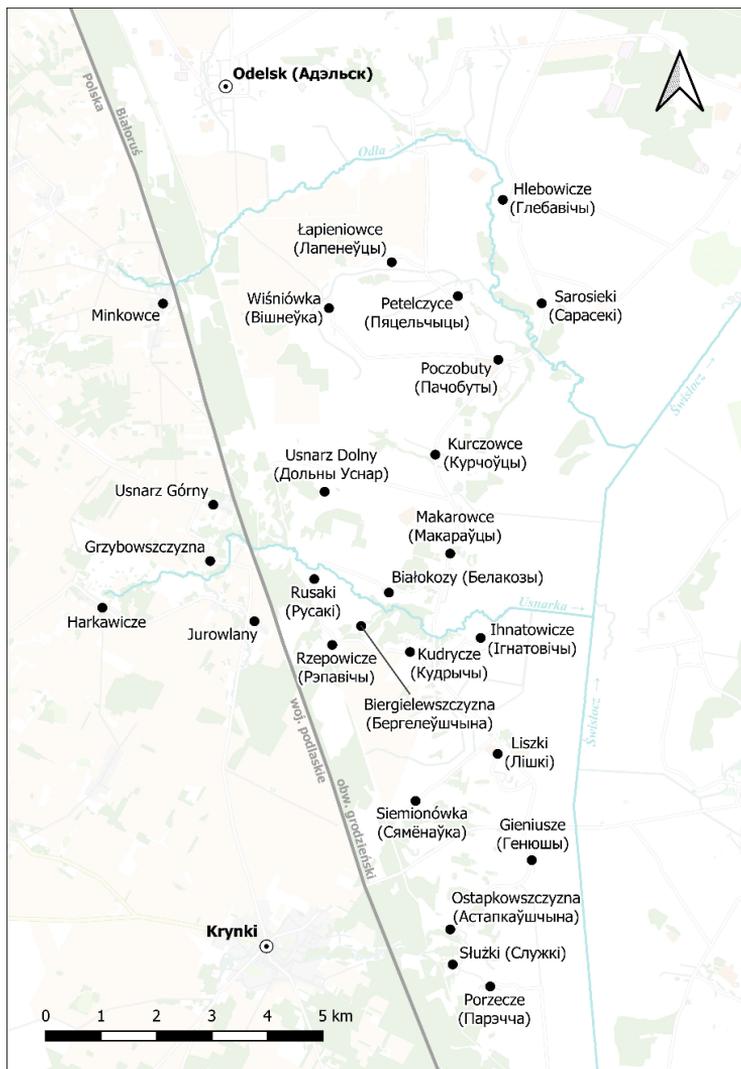
Для реализации поставленных целей нами был опробован авторский метод проведения расширенных полевых социолингвистических экспедиций, основанный на использовании в качестве исследовательского инструментария музейной коллекции – как материальных экспонатов, так и архивных документов (Konczewska 2021b: 165–174). Практика показала, что

использование данного метода как качественного (ср. Johnstone 2000) значительно облегчает первичный контакт с информаторами и позволяет не только восстановить историческую социолингвистическую ситуацию исследуемого микроареала, но и определить его современный диалектный ландшафт. При анализе языковых вариантов для выявления процессов конвергенции и дивергенции использовался метод сопоставительного анализа, а для определения специфики реализации языковых вариантов – описательный метод.

Необходимо отметить, что исследуемый микроареал не был ранее предметом диалектных и социолингвистических исследований. По польской стороне диалектологические исследования Белостокского воеводства начались только в 60-х гг. XX в. и преимущественно не охватывали территорий, граничащих с современным Гродненским и Берестовицким районами по белорусской стороне (Glinka, Smulkowa 1965: 137–161; Glinka, Smulkowa 1981: 373–383); кроме того, проводимые исследования усложняла неоднородная социолингвистическая карта пограничья (Zdaniukiewicz 1992: 171–176). Экспедиции Отдела белорусской филологии Института славяноведения Польской академии наук, осуществленные в 111 пунктах в ареале от Августовского канала по Буг с целью подготовки Атласа восточнославянских говоров Белосточчины, также не охватывали населенных пунктов нашего исследовательского микроареала. В конце 90-х гг. XX в. изучение белорусских говоров польско-белорусского пограничья осуществлял американский исследователь Курт Вулхайзер (Woolhiser 2005: 236–262). В 2017 г. с целью изучения белорусских говоров Подляшья была осуществлена совместная диалектологическая экспедиция Отдела диалектологии Института белорусского языка Белорусской академии наук и Института славистики Польской академии наук, однако в центре ее внимания были территории вне нашего исследовательского микроареала. По белорусской стороне не проводилось диалектологических экспедиций в приграничной зоне; небольшой корпус диалектной лексики приграничных местностей составил Апанас Цыхун, который в качестве школьного инспектора посещал населенные пункты района (Цыхун 1993).

3 Характеристика микроареала исследования

Данные для исследования были собраны нами в ходе полевых экспедиций, проведенных в 2015–2021 годах в малоисследованном полиэтническом, поликультурном, полилингвальном микроареале по обеим сторонам польско-белорусской границы.

Карта 1: микроареал полевых исследований

До окончательного установления польско-советской границы, утвержденной на данном участке только в 1948 г., территория микроареала становила единое целое. Ее уникальной особенностью является сохранившееся до наших дней деление на шляхетские (мелкодворянские) околицы и крестьянские деревни, возникшее в XVI в. Культурная самоидентичность микроареала сформировалась под влиянием трех монотеистических религий: христианства, ашкеназийского иудаизма, ислама. Уже к XVII в. данный микроареал сформировался как многонациональный: литвины (жители Великого княжества Литовского), русины (жители Руси Литовской), поляки (прибывшие с центральной Польши в XV и начале XVI в.), евреи (проживающие с XIV в.), татары (с XIV в. – пленники Витовта и с XVII в. – осадники на землях, дарованных Яном III Собеским за военную службу); многоконфессиональный: православие, католицизм, ислам, иудаизм и многословный: бояре (закрепленные «Уставом на волоки» 1557 г.), крестьяне, шляхта. В настоящее время в границах исследуемого микроареала проживают представители православной и католической конфессии, преимущественно поляки и белорусы по национальности, являющиеся потомками крестьян и малоземельной шляхты. Неоднородная социолингвистическая картина региона является следствием исторических и политических процессов. Данный ареал заселяли ятвяжские племена, которые были вытеснены в результате балтийской и славянской экспансии. В период с XII по XIV века здесь существовали русские княжества. С XIV в. территория входила в состав Тракайского уезда Великого княжества Литовского, впоследствии – I Речи Посполитой, а после ее раздела, с XVIII в. – в состав Российской империи (Слонимская (1796–1801) и Гродненская губернии). С 1921 г., на основании Рижского договора, эти земли вернулись в состав Речи Посполитой. С 17 сентября 1939 г., в результате нападения Советского Союза на Польшу, они вошли в состав новообразованной Белостокской области; с 22 июня 1941 г., в результате нападения нацистской Германии на Советский Союз, и до 1944 г. находились в составе округа *Bezirk Bialystok*, части Восточной Пруссии. 20 сентября 1944 года, по итогам ялтинских договоренностей, территория исследуемого микроареала вошла в состав Гродненской области БССР в составе СССР, однако граница на этом участке была окончательно установлена только в марте 1948 г.

Важное значение для изучения диалектного ландшафта исследуемого ареала имеют выводы Яна Якубовского, автора карты Гродненского уезда в XVI в. (Jakubowski 1935: 99–114). На основании географической номенклатуры ареала исследователь утверждал об однородном, белорусском характере сельского населения; отмечал наличие в данном ареале топонимов литовской этимологии; обращал внимание на поселения мелкой шляхты с русскими и литовскими родовыми фамилиями; определял этнический состав центральной части уезда как смешанный литовско-белорусский, с численным преобладанием белорусского элемента; отмечал, что уже в XVI в. произошла полная ассимиляция обеих этнических групп, а разговорным языком стал белорусский; утверждал, что в северной, «запушчанской» части уезда, присоединённой в 1566 г., проживало литовское население, а в расположенных при границе прусских осадах – частично польское, мазурское; обращал внимание на то, что «польский элемент немногочисленный, но влияние польской культуры значительно, [...] польский язык уже тогда был разговорным для высшего класса» (там же). О сложности и неоднородности процесса расселения и разнообразии этническо-конфессионального компонента данного участка польско-белорусского пограничья свидетельствуют его топонимы: Гуды, Гудевичи, Гудишки; Дайнова, Жидомля, Латыши, Литвины, Литвинки; Мазуры, Мазурки, Москали, Русаки, Русачки, Русиново, Русиновцы, Русота, Татарка, Татаровщина, Татарье, Цыгановка, Ятвезь (Ятвези).

4 Результаты исследования

Одним из компонентов кластерного изучения микроареала было исследование речевого поведения как коммуникативного взаимодействия, что позволило трактовать спонтанные высказывания собеседников (например, монологи о предложенных для распознавания музейных экспонатах) как сложные коммуникативные семиотические образования, включающие языковые и экстралингвистические факторы, подчиненные целому ряду принципов и условий функционирования.

Вступительный анализ спонтанной речи, проведенный на основании корпуса зарегистрированных интервью, позволил выделить в изучаемом микроареале следующие языковые коды.

Белорусские православные деревни: активно: «па-просту», пассивно: «польский».

Белорусские католические деревни: активно: «ро prostu», менее активно «ро polsku».

Польские православные деревни: активно «ро posku», «па-просту», менее активно «па-беларуску».

Польские католические деревни: активно «ро polsku», «ро prostu».

Белорусские и польские шляхетские околицы: активно «ро polsku», менее активно «ро prostu».

На основании проведенного сопоставительного анализа языковых кодов были выделены следующие основные социолингвистические маркеры:

возраст носителей языка (старшее, среднее, младшее поколение),
социальная принадлежность (шляхта, крестьяне),
«высокие» (религия) и «низкие» (быт, семья) темы,
сфера и среда использования языка: внутрисемейные отношения, соседи, сакральная сфера.

Важным индикатором в исследуемом микроареале является социолингвистическая переменная, указывающая на социальное положение носителя языка. Данный индикатор являлся постоянным при варьировании компонентов социально-коммуникативной ситуации.

Поскольку ситуативность и субъективная окрашенность являются обязательными характеристиками спонтанной речи, важной задачей во время полевых экспедиций было создать доброжелательную атмосферу во время интервью, вызвать у собеседника спонтанные воспоминания, чему способствовал представленный выше авторский метод, базируемый на музейной коллекции. Такие спонтанные высказывания являлись своеобразным отражением какого-то определенного «кусочка» действительности, связанного с предъявленным музейным объектом.

Во всех интервью ярко прослеживался индикатор социального положения. Несмотря на десятилетия советской власти, по белорусской стороне границы изучаемого микроареала сохранилось четкое разделение на «шляхту» и «хлопов / хамов / мужиков».

Jaka to była różnica! Nawet księża widzieli różnice między wiejskich ludzi a szlachta.

Различия между шляхетской околицей (так назывались местности, в которых проживали представители различных шляхетских родов) и крестьянской деревней проявлялись в различных областях: в архитектурном оформлении поселений (в околице преобладает свободная застройка, а в деревне – расположение домов вдоль улицы); в строительстве жилого дома (шляхетский дом и крестьянский отличаются как внешне, так и внутренним убранством, расположением и предназначением комнат); в способе ведения хозяйства (например, возле шляхетского дома обязательно разбит фруктовый сад, чего нет на крестьянском подворье); в быту (например, в домах шляхты чай подают обязательно в чашках с блюдцами; оборудована отдельная, добротна обставленная комната, обязательно с фикусом, в которой принимают гостей). До Второй мировой войны крестьяне и шляхта отличались также внешним видом:

I ubierali się my inaczej. Kapelusze taki fajny z kwiatami. A już wiejska ona nie miała prawa nalożyć kapelusza, bo każdy szlachcic mógł patkę rzucić jej. Mogła tylko chusta.

Данное разделение нашло свое отражение также в языке, чему способствовало тот факт, что вплоть до образования колхозов, которое здесь имело место только в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., жители шляхетских околиц и деревень, даже католических, не общались между собой (хотя и те, и другие идентифицировали себя как поляков):

*zawsze była różnica w mowie, wiejski członek i szlachta,
jeszcze za Niemcami ta różnica była.*

Польский «шляхетский» язык для жителей околиц, оставшихся по белорусской стороне, был важным, нобилитирующим маркером их сословной принадлежности:

*my wszyscy po polsku pięknie rozmawiali;
język mój od dzieciństwa trochę delikatniejszy;
w domu i tu w okolicy wszyscy mówili tylko po polsku;
po polsku zawsze rozmawiali między sobą;
tu wszędzie była szlachta i rozmawiali po polsku;
bardzo ładnie rozmawiali u nas po polsku;
my nie wiedzieliśmy, jak to rozmawiać po prostu;
tu w okolicach wszędzie po polsku rozmawiali.*

Этот языковой код был средством общения в кругу семьи и соседских контактов жителей шляхетских околлиц, и только в связи с насильственным инкорпорированием в колхозы они стали постепенно приобщаться к коду «па-просту» (говор с белорусским субстратом), на котором общались с жителями деревень:

*kiedy do kolchozów nas zaganiali, to nie było już innego wyjścia;
tam z nimi że wsi to już trzeba było po prostu rozmawiać;
jak gdzieś w polu z muzykami tam, to po prostu.*

Однако языковой код «па-просту» трактовался жителями шляхетских околлиц как низкий, «некультурный»:

*brzydki taki, nieładny;
niekulturalny, ot taki sobie;
tam nie umieli po polsku dobrze rozmawiać, ot tak, namieszają wszystko;
na wsi to oni tak jakoś grubo rozmawiali, tam inaczej rozmawiali, nie było tak, że jednakowo.*

Для языкового кода шляхты характерны своеобразные формулы этикета:

czy mama pójdzie, czy tatuś pozwoli, czy pani puści swoja córka na zabawę;

форма обращения к родителям предполагает использование 3 лица. На сохранение архаичности языкового кода жителей шляхетских околлиц по белорусской стороне повлияло установление приграничной зоны, ограничивающее в значительной степени миграцию извне. Это способствовало также сохранению локальной лексики (приведем примеры из некоторых лексико-семантических групп в сопоставлении с литературными вариантами польского языка):

земледелане: *aktar* 'hektar';

tkачество: *bierdo* 'plocha', *czolnek* 'czólenko tkackie', *kapa* 'samodziałowa, tkana narzuta na łózko', *kowrotek* 'kolowrotek', *nitrzenica* 'układ nici z oczkami, przez które przeciąga się nitki osnowy', *pakul* 'wełna czesana, nieprzędzona', *praćki*, *sprzątki* 'drewniany pręcik, na którym obraca się cewka w czólenku tkackim';

хозяјство: *bijak* 'narzędzie do zbijania', *kurcia* 'kura', *plyta* 'piec do przygotowania potraw', *prześniaczek* 'praśny chleb', *przystępy*, *pójść w przystępy* 'przyjść na gospodarkę żony', *szmutki* 'barachło';

жиные строения: *klebania* 'plebania', *mieszkanie* 'dom';
семья: *dziatki* 'dzieci';

общество: *kaćpajowcy* 'sowieci', *najezdny* 'przyjezdny', *pijanica* 'pijak', *praniec* 'ktoś cwany'.

Отметим, что для языкового кода жителей польских шляхетских околиц характерно большое количество архаизмов, большинство которых восходит к варианту старопольского языка XVI в., например:

Прилагательные: *drzewniany* 'drewniany', *pamiętny* 'ten, kto ma dobrą pamięć', *rochmany* 'łaskawy, spokojny', *rządowa* 'wódka gorzelni państwowej'.

Наречия: *fajno* 'bardzo dobrze', *lecko* 'lecko', *na stojącźka* 'na stojąco', *rychtyk* 'akurat, właśnie', *wprzód* 'najpierw'.

Глаголы: *dobijać się* 'domagać się', *dychać* 'oddychać', *gapować* 'myśleć', *hodować* 'wychowywać', *mastygować* 'majsterkować', *matać* 'nawijać', *nakrąjać* 'pokroić', *odmierać* 'wymierać', *patrzeć* 'doglądać', *popłukać* 'umyć', *porzynać* 'posiekać', *przebiekać* 'przecinać', *przyjeżdżać* 'przyjeżdżać', *rozmówić się* 'długo rozmawiać', *ruszać* 'ruszać', *towarzyszyć* 'przyjaźnić się', *upiekać* 'piec', *wzusić* 'złożyć' (buty), *zaznajomić* 'zapoznać', *znajomić się* 'zapoznawać się', *znaleźć się* 'urodzić się'.

Паремии: *pani kochanieńka* (обращение); *bywaj zdromieńka* (тост); *kiedy łaska* 'пожалуйста'; *żywa woda* (о энергичном человеке); *jak kacźka po kałuzach* 'неуклаже'; *noży zostawić* 'разуться'.

Вступительный анализ зарегистрированной спонтанной речи позволяет сделать выводы, что в изучаемом микроареале преобладает продуктивный билингвизм с диглоссией. Выбор языка в ситуации билингвизма и форма реализации вариативности в ситуации диглоссии зависят от сферы (хозяйственная деятельность, религия) и среды (шляхта / крестьяне, католическая деревня / православная) функционирования языка. Можно

выделить следующие субъективные идиомы информаторов, определяющие акты речи: «ро polsku», «ро prostu», «па-просту», «па-беларуску».

В изучаемом микроареале по обеим сторонам границы православные молятся в церкви на русском и церковнославянском языках, а католики в костеле – на польском. Польский язык является языком внутрисемейных и соседских контактов для жителей шляхетских околиц, в том числе по белорусской стороне, где этот язык, несмотря на советские репрессии, передают детям и внукам.

Языком, который информаторы определяют как код «па-просту», пользуются в ежедневном общении жители католических и православных деревень как по белорусской, так и по польской стороне границы, а также жители шляхетских околиц в контактах с жителями деревень; причем информаторы различают коды «па-просту» и «па-беларуску».

Языковой код «па-просту» является в их субъективном понимании языком, которым они пользуются в ежедневных внутрисемейных и соседских контактах; он может иметь как белорусский, так и польский языковой субстрат (ср. Bieder 2002: 223–230), а вариативность зависит от изложенных выше социолингвистических маркеров.

По белорусской стороне границы код «па-просту» жителей православных деревень содержит высокий процент русизмов, что, на наш взгляд, можно объяснить высоким уровнем русификации Беларуси. В коде «па-просту» жителей католических деревень преобладает польская интерференция на грамматическом и лексическом уровнях.

По польской стороне границы код «па-просту» жителей православных деревень представляет собой хорошо сохранившиеся белорусские гродненские говоры, относящиеся к северно-западной группе диалектов. Для кода «па-просту» жителей католических деревень характерен субстрат белорусских гродненских говоров с высоким уровнем польской лексической интерференции.

В диалектологическом ландшафте изучаемого микроареала преобладает неравноценная интерференция с преобладанием полонизмов; особое место занимает архаичность шляхетского варианта польского языка по белорусской стороне границы.

Социолингвистическую ситуацию в исследуемом микроареале можно определить как экзогlossную, несбалансированную, четырёхкомпонентную: Польша / Беларусь, шляхетская околица / крестьянская деревня, шляхта / крестьяне, православные / католики.

5 Выводы

Проводимые нами исследования и вступительная обработка их результатов позволяют на утверждение, что при исследованиях в трансграничном периферийном ареале наиболее продуктивным является сочетание традиционной лингвистической методологии с наработками этнографов, антропологов и этноисториков (ср. Wiemer 2003: 212–229), а также поиск новых методов полевых экспедиций – например, представленный нами авторский метод на основе музейной коллекций. Такие исследования можно отнести к области лингвистической антропологии и лингвопалеонтологии.

Изогlossы в пограничных ареалах следует рассматривать, на наш взгляд, как границы интенсивности контактов, связанные с фактическими географическими и политическими границами и границами культурных влияний. Диалектный ландшафт пограничья косвенно отражает историческую изменчивость политических и культурных границ.

Представленные методы исследования пограничного микроареала могут служить для изучения процессов инфильтрации в балто-славянском пограничном регионе (ср. Wiemer, Erker 2011: 184–216), сопоставительного описания диалектов в приграничных микроареалах и определения влияния политических факторов на процессы языковой конвергенции и дивергенции, а также помогают получить новые данные о языковых контактах в малоизученных периферийных диалектных ареалах и описать пограничный региолект.

Rezultaty našix issledovanij otmečajuť vyražennuju korreľacuju mežu sovremennoj sociolingvističeskoj situaciej i istoričeskimi procesami osvoenija danogo mikroareala, a takže osobennostiami ee soslovnoj sostavljajušej. Predlažаемый нами podhod javljaetsja produktivnym metodom izučenija jazykovyx kontaktov (sr. Trudgill 1986) v pograničnyx arealax so složnoj istoričeskoj i sovremennoj sociolingvističeskoj situaciej.

Литература

- Hermann BIEDER, 2002: *Polszczyzna północnokresowa jako zjawisko kontaktowe polsko-białorusko-litewskie. Uwagi metodologiczne. Acta Polono-Ruthenica* 7, 223–230.
- Wojciech CHLEBDA, 2011: *Szkice do językowego obrazu pamięci. Pamięć jako wartość. Etnolingwistyka* 23, 83–98.
- Wojciech Chlebda, 2015: *Pogranicza i pograniczność w polskich perspektywach oglądu. Pograniczność i pogranicza w perspektywie nauk społecznych i humanistycznych*. Ur. Wojciech Chlebda, Ivana Dobrotová. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 43–77.
- Wojciech CHLEBDA, 2019: *O wyzwaniach i zadaniach pamięcioznawstwa lingwistycznego. LingVaria* 14/28, 147–164.
- Peter AUER, Frans HINSKENS, Paul KERSWILL, 2005: *Dialect change. Dialect change: Convergence and divergence in European languages*. Ur. Peter Auer, Frans Hinskens, Paul Kerswill. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stanisław GLINKA, Elżbieta SMUŁKOWA, 1965: *Dorobek językoznawstwa dotyczący Białostoczczyzny w latach 1944–1964. Rocznik Białostocki* 5, 137–161.
- Stanisław GLINKA, Elżbieta SMUŁKOWA, 1981: *Stan i perspektywy badań dialektologicznych regionu Białostockiego. Rocznik Białostocki* 14, 373–383.
- Jan JAKUBOWSKI, 1935: *Powiat grodzieński w XVI w. (mapa z tekstem). Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski* III. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 99–114.
- Marie M. JENSEN, 2016: *Linking Place and Mind: Localness As a Factor in Socio-Cognitive Saliency. Frontiers in Psychology* 7. Dostop <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.01143/full>, 25. 3. 2024.
- Barbara JOHNSTONE, 2000: *Qualitative Methods in Sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Katarzyna KONCZEWSKA, 2021a: *Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie. Prace Instytutu Języka Polskiego PAN* 160. Kraków: Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk.
- Katarzyna KONCZEWSKA, 2021b: *Dialektologiczne badania terenowe na podstawie kolekcji muzealnej jako metoda budowania nowych kontekstów kulturowych. Gwary Dzisiaj* 14, 165–174.
- William LABOV, 1966: *The linguistic variable as a structural unit. Washington Linguistics Review* 3, 4–22.
- William LABOV, 1972: *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Alf LÜDTKE, 1995: *The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Marjatta PALANDER, Helka RIIONHEIMO, Vesa KOIVISTO, 2018: *On the Border of Language and Dialect. Studia Fennica Linguistica* 21. Ur. Marjatta Palander, Helka Riionheimo, Vesa Koivisto. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Dennis R. PRESTON, 1989: *Perceptual dialectology*. Dordrecht: Foris.
- Dorota REMBISZEWSKA, Jerzy SIATKOWSKI, 2018: *Pogranicze polsko-wschodniostowiańskie. Studia wyrazowe*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

- Peter TRUDGILL, 1986: *Dialects in Contact*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Björn WIEMER, 2003: Zur Verbindung dialektologischer, soziolinguistischer und typologischer Methoden in der Sprachkontaktforschung (am Beispiel slavischer und litauischer Varietäten in Nordostpolen, Litauen und Weißrußland). *Zeitschrift für Slavistik* 48/2, 212–229.
- Björn WIEMER, Oksana ERKER, 2011: Manifestations of areal convergence in rural Belarusian spoken in the Baltic-Slavic contact zone. *Journal of Language Contact* 4/2, 184–216.
- Curt WOOLHISER, 2005: Political Borders and Dialect Divergence/Convergence in Europe. *Dialect Change. Convergence and Divergence in European Languages*. Ur. Peter Auer, Frans Hinskens, Paul Kerswill. Cambridge: Cambridge University Press, 236–262.
- Alojzy ZDANIUKIEWICZ, 1992: O powstaniu i rozwoju języka polskiego na Kresach Wschodnich – polemicznie. *Z polskich studiów slawistycznych* VIII, 171–176.
- Апанас ЦЫХУН, 1993: *Скарбы народнай мовы*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы.
- Эмма ЯКОВЛЕВА, 2016: *Речевые hesitation: формальный и функциональный аспекты*. Москва: Российская академия наук.